

С.В. Березницкий

Юмор в жизни и творчестве Л.Я. Штернберга

Verus amicus amici nunquam obliviscitur

Истинный друг никогда не забывает друга.

(латинская пословица)

Достижения Льва Яковлевича Штернберга в мировой и отечественной этнографической науке, языкознании, религиоведении, истории культуры, фольклористике общеизвестны и отражены в его научных трудах, энциклопедических статьях, архивных документах и музейных коллекциях. Гипотезы и открытия Л.Я. Штернберга, его тексты обильно цитируются и в наши дни российскими и зарубежными исследователями.

Одной из главных моральных и мировоззренческих характеристик Льва Яковлевича было свободолюбие. Именно неодолимая тяга к свободе, равенству, всеобщему братству изменила всю жизнь Л.Я. Штернберга, а впоследствии привела к науке. Из-за свободолюбия он пришел к революционной борьбе, к активному участию в организации «Народная воля». В тюрьме Штернберг познакомился с эволюционистской концепцией Л.Г. **Моргана** и стал ее сторонником. Подробно этот и последующий сахалинский период жизни Л.Я. Штернберга осветила в своей монографии его ученица Нина Ивановна Гаген-Торн [Гаген-Торн 1975: 240].

Три года в тюрьме закалили волю Штернберга не только как революционера, но и как человека, умеющего противостоять тяжелейшим условиям сначала в камере, а затем и в ссылке, дали мудрость целесообразного препровождения свободного времени. Большую роль в этом процессе сыграли чувство юмора и самоирония Льва Яковлевича. Поэтому хотелось бы рассмотреть именно эту черту многогранной гениальной природы ученого: его чувство, степень понимания и применения юмора в драматический период жизни. Сатирический юмор Л.Я. Штернберга, используя классификацию В.Я. Проппа, ближе всего можно попытаться отнести к типу *насмешливого смеха*, ибо эта сфера наиболее прочно связана с сатирой [Пропп 1999: 17–20].

Проследить роль юмора и сатиры в творчестве Л.Я. Штернберга можно на основе анализа некоторых его статей и фельетонов, написанных для газеты «Владивосток» в 1893–1896 гг. **во время пребывания** в ссылке на Сахалине [Владивосток 1893; 1894; 1895; 1896].

В 1895–1896 гг. **Л.Я. Штернберг жил на материке и мог продолжать** этнографические исследования коренных народов российского Дальнего Востока, писать десятки очерков, статей и фельетонов для газеты «Владивосток».

Распространение фельетона в России стало наиболее характерным с середины XIX в. [Черных 1999, Т. 2: 307]. К данному жанру в первой трети — середине XIX в. нередко обращались А.С. Пушкин (под псевдонимом Феофилакт Косичкин), Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский, М.Е. Салтыков–Щедрин и другие известные российские писатели, поэты, критики. Главным здесь было высмеивание различных событий в стране, недостатков общественной жизни, разоблачение чиновников, виновных в злоупотреблениях, коррупции и других преступлениях.

Л.Я. Штернберг также использовал фельетон как особый художественно-публицистический жанр своих газетных зарисовок, с применением элементов юмора, сатиры и даже сарказма, для острой критики сахалинских чиновников в попытке улучшить положение политических ссыльных и каторжан.

Анализируя этот этап творчества Л.Я. Штернберга, Н.И. Гаген-Торн приводит возможное дословное высказывание ученого по этому поводу: «Не умею поплавам выныривать из водоворота... не хватает юмора... Ну, посмотрим» [Гаген-Торн 1975: 106]. Штернберг боролся, прежде всего, с глупостью чиновников, высмеивая их косность и жестокость, скрывая, по известным причинам, свое авторство, чаще всего, под псевдонимом «Verus» [Там же: 92, 104–105 и др.]. Этимология этого слова показывает его происхождение от древнееврейского *werus*, а затем — от латинского *verus*, что означает «верный», «истинный». Скорее всего, ученый этим псевдонимом хотел подчеркнуть факт того, что, даже находясь в условиях ссылки, он сумел сохранить верность своему революционному делу, любимым людям, семье, друзьям и товарищам. Кроме того, Штернберг подчеркивал, что характер излагаемой им в фельетонах информа-

ции правдивый, несмотря на то что сам автор во многом ограничен в гражданских правах.

В статьях 1893–1894 гг., имевших сквозное название «Беседы о Сахалине», Штернберг часто прибегает к юмору, насмешливому смеху, сатире, критикуя Сахалинскую администрацию [Штернберг 1893 № 42: 8–9; № 43: 8–9; № 44: 6–9; 1894. № 11: 12–14; № 13: 9–10]. Характер написания этих и других подобных статей, фельетонов Штернберга сходен со всемирно известным литературным памятником «Похвала глупости» (1509) голландского писателя и философа Эразма Роттердамского (1469–1536). Эразм писал в XVI в. о том, что спутниками глупости являются пьянство, разгул, чревоугодие, лень, лесть. О таких же недостатках пишет в конце XIX в. Штернберг. Оба мыслителя обличают человеческую глупость, пошлость, косность и сожалеют о том, что в их руках нет других механизмов борьбы, кроме насмешки.

Штернберг высмеивал администрацию за отсутствие планов развития острова, профессиональных навыков работы с людьми, высокомерие. Иронически он высказывался о перспективах колонизации Сахалина. Несмотря на то что на острове активно строились дороги и телеграфные линии, это все создавалось, по мнению ученого, как «Сахалино-вавилонская башня», ибо делалось без плана, а бывший начальник Сахалина генерал В.О. Кононович (годы правления 1888–1893) хотел, чтобы остров оставался просто местом каторги.

Высмеивая сахалинских чиновников за использование бесплатного труда каторжан в качестве слуг и горничных, Штернберг сравнивал судьбу последних с положением римских рабов или слуг-индусов, получавших рупию раз в столетие. Штернберг пришел к феноменальному выводу о том, что силами этой прислуги можно было бы за один год раскорчевать половину таежной зоны, освоенной за все время существования каторги.

Каждый год, отбыв свой каторжный срок, несколько сотен человек выходили на поселение. Их можно было бы обеспечить землей для собственного пропитания, если бы каторжное начальство вело разумную и гуманную политику. Предлагаемое Штернбергом наделение бывших каторжан землей развивало бы остров в экономическом и культурном отношении. Однако из-за близости чиновников Сахалин в их отчетах рисовался, как пишет Штернберг,

фантастической страной с медовыми реками, ананасы и бананы там считались обычными растениями, вроде клюквы и морошки.

Часто происходили курьезы, случались и случаи прямого обмена, когда семена, привезенные из Америки и России, выдавались за местные злаки. Сахалинская администрация не развивала на острове сельское хозяйство, не использовала метеорологические наблюдения, не пыталась разводить тягловых животных. Бездействовала она и в отношении браконьерства японских рыбаков в заливах Анива и Терпение, увозивших огромное количество соленой горбуши и селедочного тука. В то же время для нужд сахалинских поселенцев администрация покупала кету на Амуре, добываемую тем же каторжным трудом.

Штернберг иронически оценивал попытки американцев и европейцев захватить в конце XIX в. Японию и Китай в экономическом отношении, ибо прозорливо видел будущее мощное развитие этих стран, особенно Японии. Остро высмеивая экономический потенциал России, Штернберг относил его по уровню развития к бронзовому веку [Штернберг 1895. № 44: 11–12].

С известной долей сарказма Штернберг описывал практически стопроцентное распространение на Сахалине «продажной любви» при прямом попустительстве администрации: «Когда в середине месяца кончился паек, получаемый каторжной бабой, паек, от которого кормится ея сожитель-поселенец, последний, кряхтя и напуская на себя храбрости, говорит своей дражайшей половине: “Ну, Дарьюшка, сходи-ка в Александровск, паек доставать”. Тогда баба надевает красный сарафан и расшитый передник, которые хранятся у каждой сахалинской бабы для такого случая и которые часто приводят в умиление наивных путешественников, и, наряженная, отправляется промышлять — “на фарт”, как здесь говорят» [Штернберг 1894, № 13: 10].

Здесь следует подчеркнуть интересную деталь: сам Л.Я. Штернберг в то время лишь становился профессиональным этнографом, но благодаря своей прозорливости интуитивно высмеивал неопытных исследователей, принимающих за «этнографию» совсем другие явления жизни.

Конечно же, для развития проституции на Сахалине существовали и объективные причины: например катастрофическая нехватка

женщин, которых в качестве каторжанок прибывало на остров в несколько раз меньше, чем мужчин. По наблюдениям Штернберга, ласками этих жриц любви не брезговали и чиновники каторжной администрации, выбиравшие себе «наложниц» из очередной партии каторжан.

Критикуя и высмеивая островное начальство, Штернберг отметил важный мировоззренческий момент: несмотря на тяжелейшие условия жизни, на Сахалине человеку недостаточно было довольствоваться только материальной стороной (жилище, еда, одежда). Существует еще психическая сторона личности, которая является не только источником страданий, но и механизмом возрождения к лучшей жизни, основой надежды на возвращение когда-нибудь свободы и даже родины [Штернберг 1894. № 22: 14–15; № 24: 12–14]. Но для этого мало одной мечты, здесь необходима помощь общества, церкви, просвещения, школ, библиотек, приютов для сирот и т.п.

Искрометный юмор и приемы салтыковско-щедринской или даже гоголевской сатиры использовал Л.Я. Штернберг в другой статье, где высмеивал действия администрации острова, озабоченной приездом высокого начальства с материка. Секретари разом заскрипели перьями, пошла клубами пыль от архивных документов, старались чуть ли не снег растопить. Рекам власти приказывали не разливаться на время ревизии помощника Амурского губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа, генерала Н.И. Гродекова (1843–1913), а мостам не проваливаться (хотя часть пристани все же обрушилась), государственные флаги должны были развиваться над домами поселенцев исключительно весело [Штернберг 1894. № 21: 9]. Однако о самом Н.И. Гродекове Штернберг пишет с уважением, ибо генерал принялся проверять сахалинские дела добросовестно.

Нам самим хорошо известны многочисленные случаи пускания пыли в глаза проверяющему военному или гражданскому начальству в виде побелки солдатами грязного снега, покраски порывшей осенью травы и листьев на деревьях зеленой краской, срочного ремонта асфальта и фасадов домов на центральных улицах по пути следования кортежа депутата или президента.

Несколько иной характер имеет следующая статья Штернберга, освещающая повседневный быт поселенца, контраст его унылого положения и мечтаний о блистательном будущем [Штернберг 1896.

№ 1: 13–16]. Во многом этот рассказ автобиографичен. Очень иронично Штернберг описывает небольшое поселение на берегу Таттарского пролива, в котором царит смертная тоска. Любое событие здесь уже считается новостью: пройдет мимо солдат из гарнизона, примчится тунгус на оленьей упряжке или прискачет гиляк на своей воздушной собачьей нарте. Скорее всего, Штернберг специально подбирал такие словесные формулы, чтобы показать, как эти незначительные в обычной жизни события меняют покой данного поселения. Когда зазвонят колокольчики «собачьей почты», то это уже очень большое событие. В здание кордона сразу же собираются все местные жители, жаждущие «новостей и спирта». Разожженная печь моментально превращает «стылую Лапландию в жаркую Сахару».

Частые метели засыпают поселение снегом, и тогда вся жизнь в нем замирает на несколько суток. В один из таких периодов Штернберг и описывает быт политического заключенного, живущего на поселении. Только в его жилище горит свет, ибо остальные поселенцы, простые люди, давно уже спят на печках. Интеллигент постоянно занимается гигиеной духа, чтобы не убить себя в тоске (один из его товарищей не выдержал ссылки и застрелился в минуту малодушия).

Глядя на фотографию возлюбленной, он мысленно проходит весь путь их знакомства и платонической любви. Он добровольно отказался от реальной любви, чтобы не привлечь к возлюбленной внимание полиции. Человек пожертвовал своей любовью ради идеалов свободы всего человечества. В ссылке он нашел успокоение не у других поселенцев, а среди местных коренных народов, в частности нивхов. Он был восхищен их психическими качествами. Нивхи не знали ни беспокойства, ни сомнений, чем и вносили в его душу уверенность. Поселенец заражался их оптимизмом, играл с их детьми и шутил с молодежью. Эта жизнерадостная энергия коренных народов, незатейливый юмор и смех спасли его и помогли выжить в тяжелейших материальных и особенно психологических условиях.

И вот поселенец получил письмо, из которого узнал, что скоро его возлюбленная приезжает к нему, чтобы разделить его участь и облегчить его страдания. Он настолько преобразился, что его друг нивх (который и привез письмо) подумал, что это не простое письмо, а важная бумага о назначении поселенца на большую должность.

Здесь можно провести параллель с известным памятником русской литературы XII в. «Моление Даниила Заточника». В.Г. Белинский одним из первых подметил сатирическую направленность этого памятника. Д.С. Лихачев в своем анализе особо подчеркивал народные элементы юмора «Моления», пародийность и самоиронию автора, который делает сатирические выпады против бояр и богатых людей вообще [Белинский 1954: 348–351; Лихачев 1954: 106–119].

Даниилу Заточнику и герою рассказа Штернберга, находившимся вдали от родных и любимых, помогает юмор, насмешливое отношение к окружающей действительности и самому себе. Тот и другой пострадали за свой ум, беспокойную душу, свои высказывания, которые и не понравились властям. Заточник ожидает милости от князя, а героя сюжета Л.Я. Штернберга спасает душевный порыв его возлюбленной.

Мировоззренческие, нравственные, религиозные проблемы человечества рассматривает Штернберг в фельетоне 1896 г. [Штернберг 1896. № 6: 14–16]. Однажды Л.Я. Штернберг, выходя из музея, увидел девушку, которая при нем спросила молодого человека, что означает услышанное ею только что выражение: «Стикс высох и Цербер исчез». Тот кратко пересказал ей верования древних греков о том, что вход в ад проходил через стигийские болотные топи (Стикс), а охранял вход ужасный трехглавый пес Цербер. И вот «техники осушили болота и уничтожили Цербера». Девушка спросила снова: «Значит, теперь вход в ад свободен?».

Что ответил ее спутник, Штернберг не услышал, но по размышлении написал острый фельетон. Лев Яковлевич сделал вывод о том, что сейчас в ад ведет не тропинка через топи, а широкая железная дорога, освещенная электричеством, люди едут в комфортабельных вагонах в дорогих одеждах и пахнут прекрасными духами. Цербера заменил швейцар в форме и фонарем в руках. Вместо прежней огненной Геенны имеется праздничный зал с оркестром и танцами. Вино здесь течет рекой, делаются миллионные ставки в казино. Проигравшие весело стреляются из золотых револьверов или травятся ядом из алмазных фужеров. Однако вход в этот новый ад открыт только для избранных владельцев ворованных капиталов и предприятий. При входе требуется документ от продавца шампанского или игральных

карт, содeржателя оперетты и т.п. Писатели, мыслители, творческие натуры попадают не в этот прекрасный зал, а в ночлежку.

По мнению Штернберга, Стигийские болота защищали человека от ада (то есть от области зла). Современные люди, переполненные грешными помыслами, сами строят ад на земле. Штернберг показывает это на примере встреченной им молодой пары: глуповатая девушка-мещанка мечтает лишь о выгодном браке, а жених берет девушку в жены лишь потому, что это необходимо для его карьеры и положения в обществе. По их мнению, люди, размышляющие о смысле жизни, страдающие за свои идеалы, — просто дураки, юродивые и ослы. Чтобы изменить эту ситуацию, человек должен стать лучше или хотя бы стремиться сделаться лучше. Он должен положить на это всю свою жизнь.

Юмор помог Штернбергу выжить, выстоять, остаться человеком в условиях неволи, отрыва от родины, родственников, друзей, привычного ритма. С помощью юмора, едкой сатиры, эзопова языка Л.Я. Штернберг изобличал, критиковал порядки не только на Сахалине или на Дальнем Востоке, он в целом желал счастья для всей страны и всего человечества. В своих статьях Штернберг предлагал меры по улучшению землеустройства, лесотехнических и дорожных предприятий, демографических показателей, морали и нравственности.

Жанровое сходство штернберговских фельетонов с творчеством таких известных писателей-сатириков, как Эразм Роттердамский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.В. Гоголь, показывает широчайший кругозор Штернберга, незаурядный писательский талант и высочайшую гражданскую позицию. Получив такой подарок судьбы, как жизнь не на Сахалине, а на материке, возможность заниматься этнографическими исследованиями, передвигаться по огромной территории от Владивостока до Татарского пролива, Штернберг мог бы жить тихо и мирно, но он продолжал в статьях и фельетонах высмеивать каторжные порядки.

Штернберг шел от легкой самоиронии к злomu сарказму. Чувство юмора, которое ему удалось не только сохранить, но развить и использовать для улучшения социальных условий каторжан, характеризует Льва Яковлевича Штернберга именно как гражданина в самом

полном смысле этого слова — как свободного человека, борющегося за освобождение всех членов общества.

Библиография

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959. Т. V. Статьи о народной поэзии. 1954. С. 348–351.

Владивосток. Газета морская и общественно-литературная. Выходит по воскресеньям. 1893. № 42–44; 1894. № 11, 13, 18, 21–22, 24; 1895. № 44; 1896. № 1, 6.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Глав. ред. восточ. литературы изд-ва «Наука», 1975.

Лихачев Д.С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы*. М.; Л.: АН СССР, 1954. X. С. 106–119; *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. М.: Худож. лит., 1969. С. 224–235, 728–730.

Пропт В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2: Панцырь — Яшур.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1893. № 42. С. 8–9; № 43: 8–9; № 44. С. 6–9.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1894. № 22. С. 14–15; № 24. С. 12–14.

Штернберг Л.Я. [Verus] Беседы о Сахалине // Владивосток. 1894. № 13. С. 10.

Штернберг Л.Я. [Verus] Приезд генерал-лейтенанта Гродекова на Сахалин // Владивосток. 1894. № 21. С. 9.

Штернберг Л.Я. [Verus] Шансы торговли с Китаем и Японией // Владивосток. 1895. № 44. С. 11–12.

Штернберг Л.Я. [Л.Ш.] Великопостные мотивы (Фельетон) // Владивосток. 1896. № 6. С. 13–16.

Штернберг Л.Я. [Л.Ш.] Письмо (Новогодний рассказ) // Владивосток. 1896. № 1. С. 13–16.